

С.В. Березкина

**ОТКЛИК В.А. ЖУКОВСКОГО НА БРОШЮРУ
С.С. УВАРОВА «О ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ
ОТНОСИТЕЛЬНО К НАРОДНОМУ
ВОСПИТАНИЮ» (1813)**

Дружеские отношения В.А. Жуковского с С.С. Уваровым завязались благодаря А.И. Тургеневу в 1810 г. в Москве и продолжались до самой смерти поэта. С самого начала на них лежал отпечаток по-особому почтительного – со стороны Жуковского – отношения к тому, кто был очень высоко поставлен на служебной лестнице: в момент знакомства Уваров уже был попечителем С.-Петербургского учебного округа. Он старался это сгладить в своих письмах к Жуковскому, подбадривая и всячески располагая его к себе. Благодаря Уварову Жуковский вошел в придворный круг и, похоже, никогда не забывал этого (хотя, конечно же, таких его произведений, как «Песец во стане русских воинов» и «Императору Александру», не могли не заметить в царской фамилии), но Уваров (надо отдать ему должное) сумел извлечь из этого максимально возможную пользу).

Жуковский (Светлана) и Уваров (Старушка) были, как известно, членами «Арзамаса», и это способствовало их дружескому сближению. Но, судя по тону писем Жуковского к Уварову, поэт встал с ним вровень лишь после того, как приобрел устойчивое положение во дворце. Когда именно это произошло, судить трудно, поскольку письма за 1820-е – первую половину 1830-х гг., которые носили бы неофициальный характер, не сохранилось¹. Отношения Жуковского с Уваровым, министром народного просвещения, прошли через трудный этап весной 1837 г. в связи с двумя изданиями – послепушкинским «Современником» и посмертным собранием сочинений Пушкина; своего рода рецидив активного противодействия со стороны Уварова увековечению памяти великого поэта произошел в

---

¹ Официальными являются письма Жуковского к Уварову от 27 ноября 1827 г. (ПД, № 3170. Л. 1, не опубликовано: благодарность от имени девятилетнего цесаревича за какие-то присланные ему книги) и 9 января 1828 г. (ПД, № 3170. Л. 3; напечатано: Радуга: Альманах Пушкинского Дома. Пг., 1922. С. 85–86 (публ. Б.И. Коплана): благодарность за избрание почетным членом Императорской Академии наук), эти письма сохранились в делах Уварова, президента Академии наук.

феврале 1838 г., когда он выказал недовольство речью Жуковского на юбилее И.А. Крылова. Однако они не испортились безнадежно и впоследствии сохранили не только деловой, но и дружеский характер. Оно и понятно, поскольку Жуковский оставался в ранге живого классика, пишущего и достаточно активного, и постоянно нуждался в разного рода резолюциях главы цензурного ведомства. Уваров же не просто отвечал на его обращения, но и чтит память Жуковского после его смерти: об этом свидетельствует установка памятника ему в имени Уварова Поречье.

Изданная переписка Жуковского и Уварова страдает одним недостатком: письма Уварова изданы более полно, чем письма Жуковского. Уваров всегда педантично сообщал своему адресату дату того письма, на которое он писал ответ. Таким образом, из опубликованных П.И. Бартевым писем Уварова мы узнаем, что затерялись три письма к нему Жуковского: во-первых, от 15 июля 1813 г. (ответ на него Уварова от 17 августа 1813 г.)¹; во-вторых, сентябрьский ответ (1813 г.) на присылку Жуковскому статьи Уварова (в оттиске) «Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о греческом экзаметре» (отправлена поэту с письмом Уварова от 17 августа 1813 г.); в-третьих, от 18 (30) июня 1845 г. (ответ Уварова от 12 (24) июля 1845 г.)². Последнее письмо сообщало о работе над переводом «Одиссеи»: Жуковский, по-видимому, готовил себе платформу для дальнейших публикаций – прежде всего нового издания своих стихотворений (по докладу Уварова Николаю I от 29 июля 1847 г., Жуковскому было разрешено не проводить через цензуру те произведения, которые публиковались им раньше)³, а также самой «Одиссеи» (Императорская Академия наук, президентом которой был Уваров, проявляла большой интерес к переводу Жуковского, который поддерживался академиками М.П. Погодиным и П.А. Плетневым).

Жаль, что утрачено письмо (сентябрь 1813 г.), в котором Жуковский давал отклик на уваровскую статью «о греческом экзаметре» (публикация из «Чтений в Беседе любителей русского слова»). Мы знаем, что Жуковскому нравился гекзаметр, и он, конечно же, с большим сочувствием откликнулся на идеи Уварова о возможностях этого «стопосложения» на русской почве.

¹ РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 73. Л. 309–310 об.; РА. 1871. С. 0161–0162.

² Там же. Л. 322–323; РА. 1871. С. 0169–0170.

³ Там же. Ф. 831. № 4. Л. 50–50 об., отпуск.

Поскольку нам удалось обнаружить первое из трех пропавших писем Жуковского, мы можем высказать догадку о том, как они (естественно, ранние) исчезали: из-за А.И. Тургенева, бравшего оригиналы для копирования. Письмо от 15 июля 1813 г. сохранилось в копии¹. Это был ответ на письмо от 6 июня 1813 г., в котором Уваров приветствовал возвращение Жуковского из армии и давал высокий отзыв о «Певце во стане русских воинов»:

Между тем, как вы взлетаете на Пинд, – писал он, – я хожу шагом по земле; вместо блистательной Поэзии занимаюсь сухой *Педагогикой*. – Вот опыт моих по ней трудов! Прочтите и скажите ваше мнение².

С письмом Уваров послал Жуковскому свою брошюру «О преподавании истории относительно к народному воспитанию» (СПб., 1813; ценз. разр. – 21 апреля 1813 г.). На нее Жуковским был написан содержательный и интересный ответ.

Милостивый государь Сергей Семенович!

Я имел удовольствие получить ваше письмо; простите, что отвечаю на оно несколько поздно. Оно долгое время путешествовало вслед за мною. На сих только днях получил я его в Белеве.

Сердечно благодарю вас за приятный ваш подарок; наконец, желание мое исполнилось: вы приняли за русскую литературу. Несколько раз сряду прочитал я ваше маленькое сочинение и с большим удовольствием. Оно написано простым, ясным, правильным, совершенно приличным предмету слогом. Уверю вас, что я очень обрадовался вашему обращению на путь истинный. До сих пор ваш прекрасный талант посвящен был языку чужому; вы раскаялись и приняли за отечественный, и доброе дело не остается без награждения. По-видимому, этот переход не стоит вам никакого усилия; ваше рассуждение написано пером опытным; простота оживлялась воображением; слог приятный, ясный и правильный; нельзя не подумать, чтобы автор не писал много по-русски. Позвольте ж мне быть пророком: ваш стихотворный талант мне известен; если вы примитесь за русские стихи, то наша литература будет иметь еще одного хорошего поэта³. Не знаю, однако, обратит ли

¹ ПД. Ф. 309. № 2737. Л. 1–2 – рукой А.И. Тургенева, с припиской карандашом после даты: «1813 г.».

² РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 73. Л. 307–308; РА. 1871. С. 0160.

³ Стихи Уварова на французском языке нравились Жуковскому. Отвечая на его просьбу, Уваров написал ему в письме от 15 мая 1811 г.: «В скором времени получите вы мои стихи: “Sur l’avantage de mourir jeune”. Не судите строго о их достоинстве; не иначе как о излинии чувств душевных; участь их должна бы быть – умереть там, где они родились» (Там же. Л. 305–306; Там же. С. 0159). Присланное

вы свое внимание, занимаясь важными обязанностями, соединенными с вашим званием? – Почему же? Часы отдохновения разве не могут быть посвящены Музам? По крайней мере от прозы вам отделаться невозможно. И самое ваше звание требует, чтобы вы были автор. Вы можете много сделать для просвещения нашего Отечества. Будучи исполнителем намерений Правительства по своему чину, вы можете некоторым образом его руководствовать, представляя ему свои мысли как писатель. Вы можете иметь благотворное влияние на общественное воспитание; предмет важнейший, на котором единственно основано благо нашего Отечества. Без просвещения, без нравственности, без твердого национального характера (которые могут нам быть возвращены одним только воспитанием) не может быть и могущества. Без них огромность Империи есть только *материал для огромных развалин*. Просвещение родит в нас уважение к самим себе, не то глупое уважение, которым хотят напугать гордость нашу фанатики-декламаторы, которые беспрестанно кричат, что русский народ *по всему* первый есть в мире и что нам надобно только возвратиться в грубое состояние наших предков, чтоб быть совершенными¹. Такое мнение почти так же вредно как и то, что иностранное не может быть лучше русского. Одно дает излишнюю самонадеянность и производит чванство, другое уничтожает уважение к самим себе и погашает пламень соревнования. Нам должно знать свои недостатки, но знать их не для того, чтобы предпочитать собственному все чужое, а для того, чтобы самим взойти на ту степень просвещения, на которой стоят другие народы – немцы, англичане; о французах ни слова: они своим просвещением задавили нравственность; избави Бог от такого разрушительного просвещения. Одним словом: русским нужно общественное воспитание, устроенное по хорошему плану, и еще не менее нужно, чтобы все вообще были уверены в необходимости воспитания и образованности. Благодаря крикунам, у нас по большей части думают, что просвещение есть синоним разврата и что старинная русская грубость есть то благодатное состояние, в которое нам необходимо возвратиться должно. Кто ж победит такой губительный предрассудок? Хорошие писатели. Тут опять обращаюсь к вам. Вы можете быть хорошим писателем. Вы занимаете такое место, на котором как государственный человек можете исполнять то, что будете мыслить как писатель. Пером можете действовать на умы, а властью производить в действительность намерения общепользные. Как же вам не быть писателем?

Многие места в вашем рассуждении мне особенно понравились. Вообще в вашем слого заметил я то, что весьма редко в наших прозаистах (Карамзина в сторону): точность выражений (*propriété des ter-*

ему Уваровым стихотворение «*Sur l'avantage de mourir jeune*» сохранилось в составе архива А.А. Воейковой и М.А. Мойер (ПД. № 22744). Оно было напечатано в 1813 г. в Париже в «*Almanach des Muses*».

¹ См. также далее: «...у нас по большей части думают, что <...> старинная русская грубость есть <...> благодатное состояние...». В сходных выражениях, негодуя, Жуковский писал о С.Н. Глинке в письме к А.И. Тургеневу в сентябре 1810 г. (см.: ПЖТ. С. 69).

mes)¹, без которой нет слога. Можно иметь много идей, можно иметь богатое воображение, но они останутся в тумане, если будут выражаться без точности и неясно. Сказать не более и не менее, а так, как должно, — вот главное. Более других понравились мне 6 и 7 § — быстрая картина иностранных происшествий. Прекрасное дело воображение стихотворное! Оно найдет способ оживить самую сухую материю или оборотом, или сравнением, вставленным как будто невзначай: *характер русского народа, на который Европа смотрит, как изнеможенный старец на водоросль и силу цветущего юноши*². Это прекрасно! Все вообще мне нравится. Право, пишите более. Это ваша обязанность. Писатель — государственный человек — всегда возбуждает доверенность и большое внимание. Предмет, которым вы можете заниматься, есть самый обильный и полезный. Одно только условие: не забывайте иногда заглядывать и к нам в дом сумасшедших, то есть к нам, стихотворцам³. Как ни говорите, а вы имеете право гражданства и между нами.

Теперь позвольте вам сообщить некоторые мысли, которые пришли мне в голову при чтении вашего рассуждения. О плане вашем не говорю ни слова. Он может быть очень хорошим руководством для всякого наставника. Мне хочется сказать несколько слов о народных училищах. Их можно назвать первою степенью просвещения, а для некоторых классов людей эта же степень есть высшая, далее которой они идти не могут и не должны, — для простого ремесленника, простого купца и пр. В народном училище должны быть закончены все те науки, которые им в их состоянии нужны, и целью того просвещения, которое они приобретают в сих местах, должно быть образование нравственности и приобретение всех способов, которыми они могут улучшить свое состояние. Итак, все науки, им не нужные в этом состоянии, должны быть из народных училищ исключены; ибо они, вместо пользы, сделают вред, исторгнут человека просвещением из того круга, в котором он заключен судьбою. И ваша мысль, что заведение хорошего народного училища еще труднее, нежели заведение хорошего университета⁴. Кто хочет идти вдале, для того открыты гимназии и университеты; кто должен остаться на первой степени, тот должен найти в народном училище *все* нужное для него в тесном его круге, но не более.

Например, *История* для простого, ограниченного низким жребием человека совсем не может быть представлена с той точки зрения, с какой смотрит на нее человек, имеющий круг деятельности обширной. Для него она не иное что как курс практической нравственности. Я бы разделил преподавание оной на два курса: один *моральный*, другой *полити-*

¹ свойство терминов (фр.).

² См.: Уваров С.С. О преподавании истории относительно к народному воспитанию. СПб., 1813. С. 24.

³ Явная переключка с сатирой «Дом сумасшедших», которую, как принято считать, А.Ф. Воейков начал писать в 1814 г. Письмо к Уварову позволяет предположить, что этот замысел был известен Жуковскому уже в 1813 г.

⁴ См.: Уваров С.С. О преподавании истории... С. 3.

ческий¹. Первый начинался и кончился бы в народном училище; другой начинался бы в гимназии, а кончился бы в университете. В первом представлялись бы одни действия человека, движимого страстями, несчастливого или счастливого под руководством Провидения (разумеется, что в этом курсе главное место занимали бы, как вы хотите, священная и отечественная истории, но без целости. Не худо бы кинуть один взгляд и на всеобщую). С такою целию История может быть полезна и для простолюдина. Тогда она не есть для него один предмет любопытства, не привлекательный потому, что любопытство его совсем не обращается на то, что выходит из его сферы, но предмет приятного занятия; ибо он сам некоторым образом становится наряду с людьми историческими, видя их, сходных с ним страстями, бедствиями и покорных тому же Промыслу, который и о нем заботится; одна только эта черта сходства может сделать для него историю привлекательною и полезною.

Языки иностранные едва ли нужны в народных училищах. Зато русский и славянский необходимы; особенно славянский, на котором написаны у нас все священные книги – нужнейшее чтение для простолюдина. Иностранные языки потому не нужны ему, что могут познакомиться с предметами совершенно ему чуждыми, а может быть, и вредными. Эти предметы могут быть полезны для тех только, которые пройдут полный курс наук: для них гимназии и университеты.

Если единственною целию преподавания наук в народных училищах будет совершенное образование простолюдина, остающегося в своем смиренном классе (*совершенным* называю образование, доставляющее ему ни более, ни менее того, что *ему* нужно), и только открытие дальнейшего пути тому, кто пожелает идти далее, но необходимо нужно, чтобы и все соответствовало сей цели. Для того, чтобы ремесленник, купец, земледелец были счастливы в своем звании, нужно, чтобы они имели идеи, приличные их званию. Следовательно, курс нравственности им преподавания должен быть написан для них. Само по себе разумеется, что он должен быть основан на религии; надобно, чтобы в нем говорено было о должностях, им особенно принадлежащих, о нравственном образовании, им особенно возможном. Такого курса еще никто не написал. Что еще им необходимо? Начальные понятия о математике, общие понятия о натуральной истории² и физике, знакомящие их с тем, что перед их глазами, и разрушающие многие гибельные предрассудки! Технология, отечественная география! Я прибавил бы к этому понятия о медицине, нужные для каждого. Учебные книги о сих предметах должны быть написаны по особенному плану и для сей особенной цели. Мы их еще не имеем.

Но этого не довольно! Получив нужные сведения в народном училище, простолудин или растеряет их, возвратясь в самого себя, или

¹ Ср. в статье Карамзина «О любви к отечеству и народной гордости» (1802): «Любовь к отечеству может быть *физическая, моральная и политическая*» (Карамзин Н.М. Избранные сочинения: в 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 224).

² Имеется в виду естественная история, включавшая минералогию, ботанику и зоологию.

испортил, обратив пробужденное внимание свое на предметы ему вредные. У нас еще нет книг, написанных для этого класса людей. Германия и Англия ими богаты, и потому-то простой народ имеет у них много образовательных сведений. Например, какую великую пользу принес бы у нас писатель с талантом, когда бы вздумал выдавать журнал, подобный *фрэнклинону*¹. Какая бездна для него материалов! Такой журнал мог бы заключать в себе все – все дело состояло бы в предложении, в приращении к предположенной цели, то есть к образованию простолюдина. Приспешество сделало бы великое благодеяние нашему Отечеству, если бы позаботилось о издании книг, нужных для бедного класса людей, для которого нужно распространять приобретенные им сведения, не выходя из того круга, которым очертили его судьбы.

Надеюсь, что вы, для доброго намерения, извините мою болтливость. Не знаю, справедливы ли мои мысли. Но с вами даю себе волю говорить себе все то, что мне взбредет на ум. Сверх этого права, вы мне дадите другое право любить вас и желать приобрести вашу дружбу. Похвалы ваши моим стихам радуют меня и ободряют. Не знаю, заслуживаю ли я их, но уверен, что вы хвалите меня искренно, хотя, может быть, и пристрастно. Приобретение всеобщей известности, правда, весьма привлекательно, но очень однако меня тревожит; но похвала немногих для меня важная, и не заслужить ее будет больно. В числе этих немногих считаю и вас. Для меня чрезвычайно весело думать, что вы обо мне помните, что вы принимаете во мне дружеское участие, что вы всегда скажете мне искренно свое мнение *pro* и *contra*. Писать приятно, если только не имеешь причудливого, слишком неугомонного самолюбия. Когда пишешь, тогда наслаждаешься самим собою в высочайшем градусе; но это наслаждение усиливается мыслию, что есть люди, которые будут ценить твой труд, которые умеют его ценить и не откажут в заслуженном одобрении. Весело иметь пред глазами такое судилище: самое неодобрение его приятно, ибо оно есть урок. Еще же веселее видеть в этом судилище друзей, готовых насладиться твоим успехом.

Вашего рассуждения о *стопосложении* ожидаю нетерпеливо². Теперь каждое ваше сочинение (русское, разумеется) будет для меня торжеством. Мне смертно хочется, чтобы вы много писали – такое прекрасное поприще для вас открыто! Вы можете приобрести славу, и славу самую восхитительную писателя, который не только писал, но и действовал для пользы.

Позвольте заключить письмо мое просьбою. Жалуюсь вам на Тургенева. Я послал ему очень давно список моих стихов; это единственный

¹ «Альманах бедного Ричарда», издававшийся Б. Франклином в 1732–1758 гг., который был и занимателен, и полезен.

² В письме от 6 июня 1813 г. Уваров сообщал: «Я также написал рассуждение о *стопосложении*, которое было читано в здешней Беседе; когда же оно будет напечатано, то представлю вам» (РА. 1871. С. 0160); эта работа была отослана Жуковскому с письмом Уварова от 17 августа 1813 г. (РА. 1871. С. 0161; ответ Жуковского на это письмо неизвестен). «Рассуждением о *стопосложении*» Уваров назвал «Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о греческом экзаметре» (см. выше).

поправленный экземпляр¹. Другой бывший у меня сгорел с Москвою. Давно уже прошу Тургенева, чтобы он доставил мне этот список. Нет никакого ответа. Вступитесь за меня. Если бы не боялся затруднить вас пустяками, то попросил бы вас переслать этот манускрипт ко мне сюда.

Прошу вас покорно быть уверенным в моей искренней к вам преданности.

Честь имею быть
Вашим покорнейшим слугою

Жуковский.

15 июля

В статье «О преподавании истории относительно к народному воспитанию» впервые прозвучала одна из излюбленных идей Уварова о том, что «в народном воспитании преподавание истории есть дело государственное»². Речь в ней шла о преемственности в преподавании истории применительно к трем образовательным ступеням: в народных училищах священная и отечественная история, в гимназии начальный курс всеобщей истории, в университете ее окончательный курс. Отметив как несомненную удачу «прозаиста» § 6–7 (в них говорилось о всеобщей истории), Жуковский остановился на народных училищах, развив свои соображения далеко за пределы темы. Мысль Уварова об ограничении преподавания истории в народных училищах священной и отечественной историей носила характер поправки к школьному уставу 1804 г., поскольку в нем фигурировала история и всеобщая и российская. Жуковский в своих предположениях, указывая на необходимость и всеобщей истории, становился на сторону уставных положений программы народного (уездного) училища. Это совпадение носило, несомненно, случайный характер, поскольку в выражении других своих мнений относительно комплекса предметов в народном училище (как и основной направленности всего преподавания) он или называет уже утвержденные в программе, или «забывает» те, необходимость которых в начальной школе представляется самоочевидной (например, чисто-

¹ Просьба связана с решением Жуковского выпустить первое издание своих стихотворений (вышло в 1815–1816 гг.). О рукописи и присылке ее Жуковский напоминал А.И. Тургеневу, начиная с письма от 6 февраля 1813 г. Обращение к Уварову увенчалось успехом, и в письме от 2 сентября Жуковский поблагодарил Тургенева за присылку долгожданной рукописи.

² Уваров С.С. О преподавании истории... С. 2. См. об этом: *Виттекер Ц.Х.* Гр. С.С. Уваров и его время / пер. с англ. СПб., 1999. С. 48.

писание и рисование). Жуковский пишет об ином принципе предметности в преподавании истории, считая, что примеры из всеобщей истории могут быть полезны для простолюдинов; именно поэтому он предлагает для курса истории в народном училище «моральное» (то есть избирательное, тематическое) основание.

В своем отклике Жуковский сделал характерное умолчание, свидетельствующее о неприятии им одной из идей Уварова. В народных училищах Уваров предлагал к священной и отечественной истории добавить историю «нашей церкви, которая обыкновенно остается в забвении», причем подчеркивал, что она ни в коем случае не должна касаться догматики (то есть разногласий между различными христианскими конфессиями). Вот это и была принципиально новая для «народного воспитания» идея, в которой узнается будущий Уваров, виднейший идеолог русского консерватизма николаевской эпохи. Можно сказать, что идея эта была достаточно продуктивной. История русской церкви неразрывно связана с историей русской святости, поэтому какие-то рассказы о святых, оставивших след в истории, могли иметь большое воспитательное («моральное», говоря языком Жуковского) значение для начальной школы. Но Жуковскому идея «морального» значения истории «нашей церкви» чужда! В это время он находится в борении, отстаивая свое право на руку Маши Протасовой, приходившейся ему родной племянницей. Любовь между родными дядей и племянницей – редкая жизненная коллизия, способная вызвать к себе резко негативное отношение. Поэтому, когда биографам Жуковского пришлось выносить ее на суд читателей, они присоединили к титулу «сестра Жуковского» (Е.А. Протасова) определение «сводная», хотя людям той эпохи, практиковавшимся в разделах наследства на основе определений родства, было известно, что «сводными», как правило, называются лишь те братья и сестры, у которых нет ни капли общей крови. Если посмотреть на В.А. Жуковского и Е.А. Протасову глазами А.И. Бунина, то откроется следующее: для него они были сыном и дочерью, то есть родными братом и сестрой. Жуковский это знал, но не считал препятствием для себя (как и многие в его кругу). Даже смирившись с потерей Маши Протасовой, он продолжал твердить о том, что их любовь не была беззаконием («святое вместе»). «Беззаконие» – это язык «нашей церкви», поэтому сама идея «моральной» значимости ее истории для Жуковского в 1813 г. неприемлема.

Мысли Жуковского о народном воспитании развиваются в письме в полемическом ключе по отношению к тем «фанатикам-декламаторам», которые «беспрестанно кричат, что русский народ *по всему* первый есть в мире». На острие этой полемики оказываются, в-первых, трактаты А.С. Шишкова, а во-вторых, те материалы, которые печатались в журнале С.Н. Глинки «Русский вестник». Из «Рассуждения о любви к Отечеству» (1812) Шишкова в письмо Жуковского проникла тема ложной «гордости» русского человека. Шишков считал, что «дух народной гордости» является «первейшим основанием любви к Отечеству», недостатки же своей истории, раскрытые в ходе ее преподавания, способны привести лишь к охлаждению патриотических чувств¹. Жуковский во главу угла ставит просвещение, которое должно питать не «гордость», а «уважение к самим себе». Полемичным является и его заявление о том, что «нам должно знать свои недостатки». Нечто другое утверждал в своем «Рассуждении...» Шишков:

Отними у нас слепоту видеть в любимом человеке совершенство, дай нам глаза посреди самого сильнейшего пламени нашего усматривать в нем некоторые недостатки, некоторые пороки; возбуди в нас желание сличать их с преимуществами других людей: ум начнет рассуждать, сердце холодеть, и вскоре человек сей, ни с кем прежде несравненный, сделается для нас не один на свете, но равен со всеми, а потом и хуже других. Так точно Отечество².

Ответное письмо Уварову Жуковского передает своеобразие его представлений о народном училище. Это была низшая ступень народного образования, учрежденная Екатериной II в 1786 г. и реформированная Александром I в 1802–1804 гг. Ее составляли училища приходские и уездные (последние готовили к гимназии). Нельзя сказать, что развитие представлений Жуковского о должном устройении народного училища опережало ту действительность, которая утверждалась в ходе александровской реформы. «Языки иностранные едва ли нужны в народных училищах», – пишет Жуковский. Между тем в уездных училищах устав предписывал преподавание, помимо русского, «местного» языка (польского, немецкого), а также языков латинского и немецкого для готовящихся к поступлению в гимназию³.

¹ Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов. СПб., 1825. Ч. 4. С. 165–166.

² Там же. С. 165.

³ См.: Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. М., 1987. С. 40.

Те предметы, которые Жуковский считал необходимыми в народных училищах, предписывались уставом как программные. Например, «технология»: в уездном училище рекомендовалось преподавание «практических знаний, полезных для местной промышленности и потребностей края» (иначе: «начальные правила технологии»)¹. Или «понятия о медицине», как пишет Жуковский, для «разрушения многих гибельных предрассудков»: программа приходских училищ настаивала на истреблении суеверий, вредных для здоровья учащихся; одно из учебных пособий («Краткое наставление о сельском домоводстве...») содержало сведения о «человеческом теле».

Письмо Жуковского имеет множественные точки соприкосновения со статьями Н.М. Карамзина, так или иначе связанными с Александровской реформой народного образования. Сам поворот мысли Уварова (ее выделяет Жуковский) о том, что «заведение хорошего народного училища еще труднее, нежели заведение хорошего университета», перекликается с убеждением Карамзина, выраженным в «Историческом похвальном слове Екатерине II» (1802), в том, что «народные школы могут – и должны быть полезнее всех академий в мире, действуя на первые элементы народа»². В статье «О новом образовании народного просвещения в России» (1803) Карамзин восклицал: «Дерзну сказать, что составление *нравственного катехизиса* для приходских училищ достойно первого гения в Европе: так оно важно и благотельно!»³ Вторя ему, Жуковский пишет о воспитании простолюдинов: «...курс нравственности <...> должен быть написан для них. <...> Он должен быть основан на религии; надобно, чтобы в нем говорено было о должностях, им особенно принадлежащих, о нравственном образовании, им особенно возможном». Устав 1804 г. ставил перед уездными училищами целью наставление учащихся в «обязанностях к государю, человечеству и ближнему»⁴. Екатериной II была введена для этого учебная книга «О должностях человека и гражданина...», являвшаяся переводом труда австрийского педагога И. Фельбигера; к началу 1810-х гг. книга эта безнадежно устарела (последний раз издавалась в 1817 г.), поэтому призыв Жуковского звучит очень злободневно: «Такого курса <нравственности> еще никто не написал». Причем характерно,

¹ *Антология педагогической мысли в России первой половины XIX в.* С. 31, 40.

² *Карамзин Н. М. Сочинения:* в 9 т. М., 1835. Т. 8. С. 91.

³ Там же. С. 227.

⁴ *Антология педагогической мысли России...* С. 30.

что, как и Карамзин¹, он делает упор на развитии личности прослоюдина.

Мысль Жуковского об отсутствии в России книг для этого класса людей развита в письме на основе его опубликованной в «Вестнике Европы» статьи «О новой книге» (1808), в которой он писал, в частности, о необходимости создания «библиотеки поселян»². Ту же тему затрагивал в статье «О новом образовании народного просвещения в России» Карамзин, когда вспоминал о виденных им во время путешествия по Европе «в хижинах (не отвратительных, но опрятных и чистых) книгах»; и далее: «Можно поставить в пример швейцарских, многих немецких (особливо голштинских) и английских земледельцев, которые имеют библиотеки...»³. Касаясь этой темы, Жуковский пишет о том, что ему, еще не видевшему европейских стран, было известно о книгах для простого народа: «Германия и Англия ими богаты...».

В статье «О преподавании истории относительно к народному воспитанию» Уварова, с одной стороны, и в отклике на нее Жуковского – с другой, проявились два диаметрально противоположных человеческих типа. Статья обнаруживает в авторе человека с систематичным, дисциплинированным умом, привыкшего к осмыслению широкого, но четко определенного круга источников; это чиновник высшего разряда, умеющий держать в памяти законодательную базу и творящий на ее основе. Отклик Жуковского на статью – это фантазия поэта, увлеченного выходящей за пределы обозначенной темы мыслью. В этом отклике не ощущается желаний сообразить свои размышления с уже имеющимся законом или уставом; это готовность к размышлению из себя самого, при слабой ориентации в реальной действительности. Уваров, по-видимому, это почувствовал, назвав и свою работу, и отклик на нее Жуковского «мечтами»: так можно было назвать письмо поэта, но не его брошюру.

Представления Жуковского, выраженные в этом письме, о сочетаемости служебной деятельности Уварова в качестве попечителя С.-Петербургского учебного округа и его литературно-публицисти-

¹ Учитель, как писал Карамзин, «рассказывает в простых словах любопытные случаи истории и развертывает нравственный катехизис, доказывает, сколь нужно и выгодно человеку быть добрым» (Карамзин Н.М. Сочинения: в 9 т. Т. 8. С. 91).

² См.: Жуковский В.А. ПССИП. Т. 12. С. 185–189.

³ Карамзин Н.М. Сочинения: в 9 т. Т. 8. С. 224.